

УДК 339:332.05**DOI: 10.34670/AR.2026.70.39.017****Вызов деглобализации в контексте регионального развития****Степанов Вячеслав Сергеевич**

Аспирант,
Воронежский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
394005, Российская Федерация, Воронеж, просп. Московский, 143;
e-mail: kafppu@vnp.ranepa.ru

Аннотация

В статье рассматривается влияние деглобализации на региональное развитие России. Автор показывает, что данная тенденция представляет собой не кратковременное явление, связанное исключительно с санкционным давлением, а долгосрочный процесс, обусловленный глубоким кризисом неолиберальной модели глобализации. Особое внимание уделено воздействию деглобализации на российскую экономику, выражающемуся в усилении протекционизма, изменении структуры внешнеэкономических связей, уходе ряда транснациональных корпораций и разрушении глобальных производственных цепочек. Анализируется опыт отдельных российских регионов, а также выделяются положительные эффекты, связанные с развитием внутреннего рынка, импортозамещением и ростом предпринимательской активности. Отдельно рассматривается интеграция России в новые международные экономические союзы, обладающие значительным экономическим потенциалом и способствующие формированию новых направлений регионального развития. Подчеркивается важность научно-технологического компонента в процессе адаптации регионов к условиям деглобализации, а также необходимость формирования эффективной региональной политики, направленной на включение субъектов РФ в обновляемые мировые производственные цепочки.

Для цитирования в научных исследованиях

Степанов В.С. Вызов деглобализации в контексте регионального развития // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 5А. С. 134-141. DOI: 10.34670/AR.2026.70.39.017

Ключевые слова

Деглобализация, региональное развитие, международная интеграция, протекционизм, санкции, импортозамещение, ЕАЭС, БРИКС, технологический суверенитет, региональная политика.

Введение

Для нашей страны остается актуальной проблема неравномерности регионального развития, имеющая критическое значение для экономической безопасности страны. Особенно заметен разрыв между регионами-центрами роста и территориями с ограниченной производственной и инновационной базой. В условиях санкций проблема усиливается из-за нарушения кооперационных цепочек, роста издержек и необходимости ускоренной технологической адаптации регионов.

Представляется, что для более реалистичной оценки этих угроз необходимо понимать, что их причины заключаются не только в санкционных режимах, и даже гипотетическое урегулирование отдельных международных конфликтов не сможет обратить вспять произошедшие изменения. Сегодня мы имеем дело с последствиями глубокого кризиса неолиберальной модели глобализации. Этот кризис влечет за собой коренную трансформацию всей мировой экономики, её базовых институтов и традиционных механизмов взаимодействия, формируя принципиально новую структуру экономических взаимоотношений. Поэтому стратегии адаптации регионов должны выстраиваться как ответ на вызов деглобализации, понимаемой как процесс ослабления глобальных связей, возможно даже распада некоторых пространств интеграции, или же их фрагментации [Деглобализация, [www](#)].

Тезис о том, что период активной глобализации закончился, стал звучать в научном и публицистическом дискурсе относительно недавно, но привлек большое внимание [IMF says fragmentation, 2023]. Мировой кризис 2008 г., рецессия и 2015 года, Brexit, торговые войны США и КНР, кризис, связанный с пандемией, беспрецедентные санкции в отношении РФ, эскалация палестино-израильского конфликта, война США с Ираном и ситуация в Персидском заливе, – эти события обычно рассматриваются как вехи этого процесса [Смагулова, Епифанов, 2024, с. 160-166]. На фоне происходящей трансформации системы международных отношений нарастают геополитические риски, что приводит к тому, что государства все больше переориентируются на внутриблочное сотрудничество, предпринимают протекционистские меры, проводят реиндустриализацию, корректируют миграционную политику, а также стремятся к обеспечению технологического суверенитета и защите своих информационных пространств.

Основная часть

Сам термин «деглобализация» был предложен в 1989 г. У. Белло, сторонником альтернативной модели глобализации. Он считал, что сложившееся к началу XXI в. доминирование транснациональных корпораций, и основных институциональных опор их власти – Всемирного банка, МВФ, ВТО и G7, блокирует мировое развитие, поскольку не способно учитывать интересы разных стран, их ценности, возможности и ограничения. Исследователь выступал за децентрализацию управления мировой экономикой и перестройку сложившейся модели глобализации [Уолден, 2026, с.165-166].

Еще один автор, активно обсуждающий проблему – нидерландский экономист Петер ван Бергейк. Он не считает деглобализацию новым явлением: в своей работе «Деглобализация 2.0», он проводил параллель между событиями 1930-х и 2010-х годов [van Bergeijk, 2019]. Главным фактором деглобализации он считает закат могущества актуального гегемона: в 30-е годы – это Великобритания, в настоящее время – Соединенные Штаты. Отставание гегемона и одновременное выдвижение государств периферии неизбежно и естественно. Обострение

международной конкуренции, диспропорциональное распределение богатства, рост социальной неопределенности в мире, кризис доверия к существующим институтам сотрудничества являются неизбежными спутниками этого процесса.

Схожие оценки тупика неолиберальной глобализации мы видим и в работах отечественных исследователей. В. С. Паньков обращал внимание на то, что G8 как инструмент наднационального регулирования была неэффективна, поскольку действовала в интересах узкого круга стран, что усугубляло имевшийся дисбаланс [Паньков, 2010, с. 163-176]. А редактор журнала «Международная экономика» писал о G20 как о «неэффективном второстепенном шоу, не имеющем большого значения» [Smick, 2012, с. 8-9].

Попытаемся суммировать проявления деглобализации и определить, какие из них могут оказать воздействие на региональное развитие и потребовать изменений в региональной политике.

Прежде всего, в качестве проявлений деглобализации, оказывающих непосредственное влияние на региональное развитие, можно рассматривать взаимосвязанные факторы протекционизма и санкций. Если говорить о протекционизме в широком понимании: правительства стран во всем мире расширяют арсенал применяемых мер, направленных на регулирование движения капитала, миграций, внешней торговли. Так, О.О.Комолов отмечает, что за период с начала мирового кризиса конца нулевых до пандемии, 75% принимаемых государствами мер в этих областях носили протекционистский характер [Комолов, 2021, с. 34-47]. Большая часть этих мер была направлена против КНР, что, тем не менее, не остановило успешную китайскую экспансию. Главным инструментом, ограничивающим Россию, стали санкции, постепенно расширявшиеся с 2014 г. Поскольку в силу исторических обстоятельств именно наша страна выступила как «главный мировой ревизионист», оспоривший гегемонию США, текущий этап деглобализации особенно сильно затрагивает ее [Шупер, 2024].

Деглобализация проявляется и в том, что транснациональные компании снижают свою зарубежную деятельность. Доклады Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) отмечают снижение индекса транснациональности с 2015г. Среди крупнейших ТНК снижается доля европейских и американских и увеличивается доля азиатских компаний. Также ТНК вместо прямых зарубежных инвестиций они всё чаще прибегают к трансграничному финансированию сервисной составляющей (например, центров клиентской поддержки, технических служб, маркетинговых подразделений). Для выхода на новые рынки международным компаниям сегодня намного важнее наличие квалифицированных специалистов, доступ к энергоресурсам и налоговый режим, а такой фактор как дешевая рабочая сила перестает быть решающим [Владимирова, 2025, с. 6067-6086].

Для регионов России сегодня гораздо большее значение имеет уход зарубежных компаний, связанный с режимом антироссийских санкций. Причем последствия для различных отраслей и регионов неравномерны: в некоторых отраслях концентрация бизнеса усилилась, в других выросла конкуренция, в отдельных отраслях заметными для потребителя стали последствия ухода компаний, служивших источником отраслевых стандартов, и, конечно же, многие отечественные предприятия потеряли своих оптовых потребителей и удобных поставщиков [ФАС увидела плюсы, 2023].

Разрушение и переориентация глобальных цепочек создания стоимости в целом характерны для процессов деглобализации, но экстренный характер произошедших в России изменений под воздействием внешнего шока оказался беспрецедентным. Региональное измерение этого процесса весьма значимо, так как сильнее всех пострадали регионы, в которых иностранные компании были вовлечены в обрабатывающую промышленность, например, в машиностроение

(Липецкая, Калужская, Калининградская области), особенно монопрофильные города [Бобровский, 2025, с. 94-106]. Там же, где доля иностранных компаний была выше в секторе услуг, замещение ушедших иностранных игроков российскими малыми и средними предприятиями произошло быстрее. Географическая переориентация грузоперевозок и туристических потоков, также стала заметной, что по-разному сказалось на отдельных регионах (положительно – на регионах Северного Кавказа, негативно – на сопредельных с Украиной). Одним из значимых для регионов компенсаторных механизмов от ухода иностранных фирм стала интернет-торговля, – в субъектах федерации, где она была достаточно развита, деловая активность не снизилась. Также лучше справились с последствиями ухода иностранных компаний регионы, где был высокий уровень развития малого и среднего предпринимательства [Земцов, Михайлов, Барина, 2023, с. 44-79].

Современная деглобализация часто характеризуется как процесс девестернизации [Сапир, 2020]. Для российских регионов это означает переориентацию экономических связей. С этим обстоятельством тесно связано еще одно значимое последствие деглобализации – переосмысление региональной интеграции. Происходящие в этой сфере процессы нельзя охарактеризовать как однонаправленные. Исследователи отмечают определенные сложности интеграционных проектов на постсоветском пространстве: несмотря на рост взаимной торговли (стоимостной объем в 2025 году составил 95,1 млрд долларов [Подведены итоги, 2026], по сравнению с 90 млрд долларов в 2023) и других макроэкономических показателей, перед ЕАЭС стоит проблема неравномерности развития. Итоги десятилетнего существования объединения не позволяют однозначно говорить о том, что членство в нем содействует развитию всех входящих государств [Заволокина, 2025, с. 188-196]. Также вызов ему бросают геополитические проблемы. [Шашихина, Барабанов, Тучина, 2026].

Но при этом государства, разделяющие идеи альтернативной глобализации, успешно развивают сотрудничество в рамках БРИКС. Неформальное межгосударственное объединение БРИКС+, которое с 2024 г. переживает стадию глобального расширения, сегодня является одним из самых сильных и влиятельных блоков в мире: это определяется его колоссальным совокупным потенциалом. Уже в 2003 аналитики Goldman Sachs предсказали, что в течение следующих 50 лет БРИК займет доминирующее положение в мировой экономике и станет ключевыми игроками на международной арене, а страны G7 (Великобритания, Германия, Италия, Канада, США, Франция и Япония) утратят свое реальное экономическое превосходство [Wilson и Purushothaman, 2003]. Современные расчеты показывают, что рост рабочей силы и обширные возможности для технологического наверстывания увеличат долю БРИКС+ до 45% к 2040 году по сравнению с 21% у экономик «Большой семёрки» [Форматы взаимодействия в рамках БРИКС, www.brics.org].

Итак, если состояние интеграционных процессов, в которые включено то или иное государство, напрямую оказывает влияние на перспективы регионального развития, то применительно к России можно говорить о не до конца реализованном потенциале ЕАЭС и о реализуемом потенциале БРИКС. Оба интеграционных объединения нацелены на развитие межрегионального сотрудничества. Так, Евразийская экономическая комиссия запустила портал по межрегиональному сотрудничеству, призванный повысить информированность о возможностях и поддерживать возникающие инициативы [Ажекбаров, Амангельдиев, 2024, с. 9-13]. БРИКС ориентирована на расширение взаимодействия с широким кругом акторов, в том числе бизнесом и гражданским обществом, целенаправленно выстраивается связи на субрегиональном и муниципальном уровнях, например, в Ассоциацию городов и муниципалитетов стран БРИКС+ вошли более 18 тысяч муниципалитетов, общее население которых превышает 2 млрд человек [Мухаметшин, 2024].

Важным проявлением деглобализации является обострение конкуренции на международной арене. Значимым проявлением этой конкуренции является технологическая гонка. По мере развертывания процессов деглобализации в мире наблюдается рост финансирования НИОКР. Упомянутый ранее протекционизм является неизбежным спутником развития технологий, знаменующих переход к новому технологическому укладу. Значимость этого аспекта деглобализации для регионов России достаточно велика. Прежде всего, выгоду для своего развития могут получить регионы со сосредоточением наукоемких производств и образовательных мощностей, способных обеспечить рынок труда высококвалифицированными специалистами. И речь идет не только об информационных технологиях: сегодня ключевыми приоритетами в политике государств, отстаивающих свой суверенитет в условиях деглобализации, являются обеспечение энергетической, продовольственной и технологической самостоятельности. Такие приоритеты дают регионам достаточно широкие возможности для развития.

Заключение

Таким образом, для регионального развития России вызов деглобализации проявляется в виде сокращения и переориентации внешних связей, а также усиления замкнутых и региональных экономических контуров. Деглобализационный сценарий начал реализовываться до того, как Россия столкнулась с беспрецедентными санкциями. По мере обострения геополитической обстановки развивалась институциональная деглобализация: уменьшение открытости капитала и усиление «национального щита» над критическими отраслями. Наконец, с началом СВО акцент был смещен с глобально интегрированной промышленности к локальному, военно-ориентированному производству.

Деглобализация выражается в переходе к диверсифицированной региональной архитектуре связей и снижении зависимости от западных институтов глобального управления. Помимо институционального деглобализация имеет дискурсивный аспект: критика гегемонизма, продвижение многополярности, защиты суверенитета России как государства-цивилизации находят отражение в официальном, экспертном, публицистическом и образовательном дискурсах.

Если же говорить о потенциале регионального развития российских регионов в условиях деглобализации, то существует два основных условия для реализации позитивных сценариев развития. Первое связано с включенностью в новые глобальные цепочки создания стоимости (участие в производстве, подготовке специалистов, логистике для наиболее перспективных отраслей). Вторым же условием является формирование эффективных инструментов региональной политики.

Библиография

1. Ажекбаров К.А. О развитии межрегионального сотрудничества в рамках ЕАЭС / К.А. Ажекбаров, Д.Дж. Амангельдиев // Ученые записки Российской академии предпринимательства. — 2024. — Т. 23. — № 3. — С. 9-13.
2. Бобровский Р.О. Влияние сокращения деятельности иностранных промышленных компаний на социально-экономическую ситуацию в муниципалитетах Ленинградской и Калужской областей / Р.О. Бобровский // Региональные исследования. — 2025. — № 2 (88). — С. 94-106.
3. Владимирова И.Г. Тенденции транснационализации деятельности крупнейших компаний мира / И.Г. Владимирова // Экономика, предпринимательство и право. — 2025. — Т. 15. — № 9. — С. 6067-6086.
4. Деглобализация // Новый дипломатический словарь (Проект Дипломатической академии МГИМО МИД РФ). — URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary/%D0%B4%D0%B5%D0%B3%D0%BB%D0%BE%D0%B1%D0%>

- B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F/
5. Заволокина Л.И. ЕАЭС 10 лет спустя: цели и достигнутые результаты / Л.И. Заволокина // Вестник Челябинского государственного университета. — 2025. — № 3 (497). — С. 188-196.
 6. Земцов С.П. Санкции, уход иностранных компаний и деловая активность в регионах России / С.П. Земцов, А.А. Михайлов, В.А. Баринова // Экономическая политика. — 2023. — Т. 18. — № 2. — С. 44-79.
 7. Комолов О.О. Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономике / О.О. Комолов // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. — 2021. — Т. 18. — № 2 (116). — С. 34-47.
 8. Мухаметшин: Работа в рамках БРИКС укрепляет межрегиональное сотрудничество / Татар-информ. — 2024. — 27 августа. — URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/muxametsin-rabota-v-ramkax-briks-ukrepyaet-mezregionalnoe-sotrudnicestvo-5956757>
 9. Паньков В.С. 2020 год — глобализация или деглобализация? / В.С. Паньков // Международная жизнь. — 2010. — № 5. — С. 163-176.
 10. Подведены итоги социально-экономического развития стран ЕАЭС в 2025 году / Евразийская экономическая комиссия. — 2026. — 27.03. — URL: <https://eec.eaeunion.org/news/podvedeny-itogi-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-stran-eaes-v-2025-godu/>
 11. Сапир Ж. Глобализация на перепутье: мировая экономика на рубеже перемен / Ж. Сапир // Валдай. Международный дискуссионный клуб. Мнения. — 2020. — 13.02. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/globalizatsiya-na-perepute/>
 12. Смагулова С.М. Деглобализация мировой экономики: причины и последствия / С.М. Смагулова, А.В. Епифанов // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2024. — № 6-1. — С. 160-166.
 13. Уолден Б. Деглобализация: идеи для новой мировой экономики / Б. Уолден; пер. с англ. О. Вышегородцевой. — Екатеринбург: Ультра.Культура, 2026. — 192 с.
 14. ФАС увидела плюсы для конкуренции в уходе зарубежных брендов / Ведомости. — 2023. — 25 мая. — URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/05/25/976755-fas-uvide-la-plyusi-dlya-konkurentsii-v-uhode-zarubezhnih-brendov>
 15. Форматы взаимодействия в рамках БРИКС // Министерство экономического развития Российской Федерации. — URL: https://economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/mnogostoronnee_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/briks/
 16. Шашихина Т. Десятилетие ЕАЭС сквозь призму стратегии — 2025: достижения, вызовы, перспективы / Т. Шашихина, О. Барабанов, М. Тучина // Евразийский диалог. — 2026. — № 2 (08). — URL: <https://eadiolog.com/tpost/b670pfrgj1-t-shashihina-o-barabanov-m-tuchina-desya>
 17. Шупер В. Глобализация и деглобализация: воздействие на пространственную организацию / В. Шупер // Валдай. Международный дискуссионный клуб. Мнения. — 2024. — 26.07. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/globalizatsiya-i-deglobalizatsiya/>
 18. IMF says fragmentation could cost global economy up to 7% of GDP // Reuters. — 2023. — January 16. — URL: <https://www.reuters.com/markets/imf-says-fragmentation-could-cost-global-economy-up-7-gdp-2023-01-15/>
 19. Peter A.G. van Bergeijk. Deglobalization 2.0: Trade and Openness During the Great Depression and the Great Recession / Peter A.G. van Bergeijk. — Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019. — 204 p.
 20. Smick D.M. Could Globalization Crack Up? / D.M. Smick // International Economy. — 2012. — Vol. 26. — № 4. — P. 8-9.
 21. Wilson D. Dreaming with BRICs: The Path to 2050 / D. Wilson, R. Purushothaman // Goldman Sachs. Global Economics Paper No: 99. — 2003. — 01.10. — URL: <https://www.goldmansachs.com/insights/goldman-sachs-research/brics-dream>

The Challenge of Deglobalization in the Context of Regional Development

Vyacheslav S. Stepanov

Postgraduate Student,
Voronezh Branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
394005, 143, Moskovskiy ave., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: kafppu@vrn.ranepa.ru

Abstract

The article examines the influence of deglobalization on the regional development of Russia. The author shows that this trend is not a short-term phenomenon associated exclusively with sanctions pressure, but a long-term process conditioned by a deep crisis of the neoliberal model of globalization. Special attention is paid to the impact of deglobalization on the Russian economy, expressed in the strengthening of protectionism, changes in the structure of foreign economic relations, the withdrawal of a number of transnational corporations, and the disruption of global production chains. The experience of individual Russian regions is analyzed, and positive effects associated with the development of the domestic market, import substitution, and the growth of entrepreneurial activity are highlighted. The integration of Russia into new international economic unions with significant economic potential and contributing to the formation of new directions for regional development is separately considered. The importance of the scientific and technological component in the process of adapting regions to the conditions of deglobalization is emphasized, as well as the need to form an effective regional policy aimed at including the subjects of the Russian Federation in the renewed global production chains.

For citation

Stepanov V.S. (2026) Vyzov deglobalizatsii v kontekste regional'nogo razvitiya [The Challenge of Deglobalization in the Context of Regional Development]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (5A), pp. 134-141. DOI: 10.34670/AR.2026.70.39.017

Keywords

Deglobalization, regional development, international integration, protectionism, sanctions, import substitution, EAEU, BRICS, technological sovereignty, regional policy.

References

1. Azhekbarov, K.A., & Amangeldiev, D.J. (2024). O razvitii mezhhregionalnogo sotrudnichestva v ramkakh EAEU [On the Development of Interregional Cooperation within the EAEU]. *Uchenyye zapiski Rossiyskoy akademii predprinimatelstva*, 23(3), 9-13.
2. Bobrovsky, R.O. (2025). Vliyaniye sokrashcheniya deyatel'nosti inostrannykh promyshlennyykh kompaniy na sotsialno-ekonomicheskuyu situatsiyu v munitsipalitetakh Leningradskoy i Kaluzhskoy oblastey [The Impact of the Reduction in the Activities of Foreign Industrial Companies on the Socio-Economic Situation in the Municipalities of the Leningrad and Kaluga Regions]. *Regionalnyye issledovaniya*, (2(88)), 94-106.
3. Deglobalization. (n.d.). *Novyy diplomaticheskiy slovar* [New Diplomatic Dictionary]. Diplomatic Academy of MGIMO. <http://diplomaticdictionary.com/dictionary/%D0%B4%D0%B5%D0%B3%D0%BB%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F/>
4. FAS uvidelo plyusy dlya konkurentsii v ukhode zarubezhnykh brendov [FAS sees advantages for competition in the departure of foreign brands]. (2023, May 25). *Vedomosti*. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/05/25/976755-fas-uvidela-plyusi-dlya-konkurentsii-v-uhode-zarubezhnih-brendov>
5. Formaty vzaimodeystviya v ramkakh BRICS [Formats of Interaction within BRICS]. (n.d.). Ministry of Economic Development of the Russian Federation. https://economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/mnogostoronnee_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/briks/
6. IMF says fragmentation could cost global economy up to 7% of GDP. (2023, January 16). *Reuters*. <https://www.reuters.com/markets/imf-says-fragmentation-could-cost-global-economy-up-7-gdp-2023-01-15/>
7. Komolov, O.O. (2021). Deglobalizatsiya: novyye tendentsii i vyzovy mirovoy ekonomike [Deglobalization: New Trends and Challenges to the Global Economy]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova*,

- 18(2(116)), 34-47.
8. Mukhametshin: Rabota v ramkakh BRICS ukreplyayet mezhregionalnoye sotrudnichestvo [Mukhametshin: Working within the BRICS Framework Strengthens Interregional Cooperation]. (2024, August 27). Tatar-inform. <https://www.tatar-inform.ru/news/muxametsin-rabota-v-ramka-x-briks-ukreplyaet-mezregionalnoe-sotrudnichestvo-5956757>
 9. Pankov, V.S. (2010). 2020 god — globalizatsiya ili deglobalizatsiya? [2020 — Globalization or Deglobalization?]. *Mezhdunarodnaya zhizn*, (5), 163-176.
 10. Peter A.G. van Bergeijk. (2019). *Deglobalization 2.0: Trade and Openness During the Great Depression and the Great Recession*. Edward Elgar Publishing.
 11. Podvedeny itogi sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya stran EAEU v 2025 godu [The results of the socio-economic development of the EAEU countries in 2025 have been summarized]. (2026, March 27). Eurasian Economic Commission. <https://eec.eaeunion.org/news/podvedeny-itogi-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-stran-eaes-v-2025-godu/>
 12. Sapir, J. (2020, February 13). Globalizatsiya na pereputye: mirovaya ekonomika na rubezhe peremen [Globalization at a Crossroads: The World Economy on the Brink of Change]. Valdai Discussion Club. <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/globalizatsiya-na-perepute/>
 13. Shashikhina, T., Barabanov, O., & Tuchina, M. (2026) Desyatiletie EAEU skvoz prizmu strategii — 2025: dostizheniya, vyzovy, perspektivy [The EAEU Decade through the Prism of Strategy 2025: Achievements, Challenges, Prospects]. *Yevraziyskiy dialog*, (2(08)). <https://eadialog.com/tpost/b670pfrgj1-t-shashihina-o-barabanov-m-tuchina-desya>
 14. Shuper, V. (2024, July 26). Globalizatsiya i deglobalizatsiya: vozdeystviye na prostranstvennyuyu organizatsiyu [Globalization and Deglobalization: Impact on Spatial Organization]. Valdai Discussion Club. <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/globalizatsiya-i-deglobalizatsiya/>
 15. Smagulova, S.M., & Epifanov, A.V. (2024). Deglobalizatsiya mirovoy ekonomiki: prichiny i posledstviya [Deglobalization of the World Economy: Causes and Consequences]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*, (6-1), 160-166.
 16. Smick, D.M. (2012). Could Globalization Crack Up? *International Economy*, 26(4), 8-9.
 17. Vladimirova, I.G. (2025). Tendentsii transnationalizatsii deyatel'nosti krupneyshikh kompaniy mira [Trends in the Transnationalization of the Activities of the World's Largest Companies]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*, 15(9), 6067-6086.
 18. Walden, B. (2026) Deglobalizatsiya: idei dlya novoy mirovoy ekonomiki [Deglobalization: Ideas for a New World Economy] (O. Vyshegorodtseva, Trans.). Ultra-Cultura.
 19. Wilson, D., & Purushothaman, R. (2003, October 1). Dreaming with BRICs: The Path to 2050. Goldman Sachs Global Economics Paper, (99). <https://www.goldmansachs.com/insights/goldman-sachs-research/brics-dream>
 20. Zavolokina, L.I. (2025). EAEU 10 let spustya: tseli i dostignutyie rezultaty [The EAEU 10 Years Later: Goals and Results Achieved]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, (3(497)), 188-196.
 21. Zemtsov, S.P., Mikhailov, A.A., & Barinova, V.A. (2023). Sanktsii, ukhod inostrannykh kompaniy i delovaya aktivnost v regionakh Rossii [Sanctions, Withdrawal of Foreign Companies and Business Activity in the Regions of Russia]. *Ekonomicheskaya politika*, 18(2), 44-79.